

РАССКАЗЫ

ТОЛИК ЗЕМЛЯНОЙ

1

Непрерывной достопримечательностью любого города и даже небольшого поселка испокон веков являлся местный сумасшедший, или дурак, или юродивый. Да назови его как хочешь! Или их — потому что в большом городе таких сумасшедших всегда будет несколько. Сейчас я мало хожу по улицам, но в детстве, помнится мне, сразу четверо чудаков было только в нашем районе.

Дядя Боря, долговязый такой, который и зимой и летом в коротких штанишках ходил и в матросской тельняшке. Поговаривали, что дома он вообще ходил голый, и потому я с самого детства, может, лет с пяти, знаю это неприличное слово «нудист». Жил он с мамой своей на улице Семашко пониже площади Свободы и ремонтировал часы любых видов и любых времен. А маму свою, маленькую старушку, он очень нежно любил и бережно под ручку водил в поликлинику, когда у нее были проблемы со здоровьем; я ее тоже помню, всю такую в черненьком.

Был еще Коля Стряхни Пыль с Ушей, он постоянно стоял в тамбуре гастронома на Белинского, что напротив Кулибинского парка, по-идиотски улыбался и со всеми здоровался.

Витя-дурак, длинный-длинный, постоянно ходил по Свердловке и, завидев интересную молодую девушку или хорошенькую женщину, громко кричал: «Хочу жениться!» Девушки почти все знали его безобидность и не боялись такого оригинального заигрывания, а только громко взвизгивали или смеялись и бежали прочь. Мне кажется, что Феллини в своем «Амаркорде» срисовал одного из своих персонажей с нашего Вити. Только не знаю — был Феллини у нас в городе или нет. Витю потом зарезали какие-то сволочи в Канавино, прямо около Московского вокзала, — наверное, не знали, что он безобидный дурак.

Была и одна дама среди этих необычных наших сограждан. Зоей ее звали или Зосей — не помню уже. Она ходила постоянно в кокетливой шляпке с цветочком и с потертым древним дамским ридикюльчиком, тисненным под крокодиловую кожу. Сидя в углу за отдельным столиком в кафе «Космос», она внимательно наблюдала за посетителями. Ее интересовали только те, кто покупал кофе с пирожными. Чаще всего это были студентки или даже школьницы. Увидев такую свою «клиентку», Зоя под-

Олег Алексеевич Рябов родился в 1948 году в г. Горьком. Окончил Политехнический институт по специальности «радиоинженер». Первая публикация состоялась в 1968 году. Первая книга — повесть о войне «Письма отца» — вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 1988 году. С тех пор вышли пятнадцать книг стихов и прозы. Печатался в журналах «Наш современник», «Нева», «Север» и др. Лауреат конкурсов «Ясная Поляна» и «Болдинская премия». Член Союза писателей России, российского ПЕН-центра, Национального союза библиофилов. Главный редактор журнала «Нижний Новгород».

саживалась поближе и, не отрываясь, смотрела в рот, пока та не оставляла уже надкушенный эклер и не покидала кафе. Тут уж Зоя занимала ее место, доедала пирожное, допивала кофе и снова шла за свой наблюдательный столик в углу.

Особо надо отметить, что было большое количество чудаков, вышедших из научных, и даже точнее — из физико-математических сфер. Видимо, в литературе не так заметно, что автор пишет ахинею, которую трудно порой отличить от высокохудожественного произведения, если называть это модернизмом. И в живописи примерно то же самое происходит. А вот в физике и математике строже — академик Виталий Лазаревич Гинзбург даже создал комиссию по борьбе с лженаукой при Академии наук где-то в семидесятые годы. Хотя это мало помогло — на улицах все равно можно встретить сумасшедших личностей, глубоко интересующихся точными науками.

Помню физика и математика Благобразова, изобретателя вечного двигателя, который приставал и демонстрировал прохожим на улице письма из очень высоких инстанций с различными рекомендациями и советами, в том числе и из Академии наук тоже.

А наш школьный учитель Александр Сергеевич Гельфанд, мы его звали просто Пушкин, окончил математический факультет МГУ с красным дипломом, проучил нас полгода, и отправили его в дурку, в Ляхово. Маленький был он такой, худенький, черненький и кудрявый. То ли здоровья нервного у него только на МГУхватило, а на нас уже нет, то ли он уже там надорвался в смысле ума. Позднее я его часто видел в школьном дворе двадцать девятой школы — стоит, за березой спрятавшись, и на девчонко-старшекласниц посматривает, подглядывает точнее, как они друг с дружкой щебечут, обнимаются, смеются. А он сам любит на них и губами причмокивает.

Ну, конечно — город огромный, и знать про всех чудаков и дураков, которые в нем обитают, просто невозможно.

Но был один странный такой человек у нас в городе, которого почему-то мало кто помнит, — Толик Земляной. А должны бы помнить хотя бы те, кто жил в центре: он обитал постоянно там, где сейчас замкнули много лет лежавшую порушенной часть Нижегородского кремля, восстановив Зачатьевскую башню. Были в том месте когда-то среди куч битого кирпича и зарослей бурьяна глубокие норы и узкие щели, которые вели в многочисленные пещеры и дренажные штольни, пронизывающие весь холм, на котором поставлен наш кремль. Там, в этих штольнях, Толя Земляной будто бы и квартировал. Конечно, Толик Земляной не ходил по центральным улицам и не стоял во дворах продовольственных магазинов — может, еще потому его никто и не помнит.

Нам же, мальчишкам, Толик был немного знаком: мы часто ходили играть в кремль в войнушку, в «стрелы», в казаки-разбойники, лазали по разрушенным стенам, по заброшенным подвалам, иногда находили какие-то железяки, кованые гвозди, старинные пуговицы, монеты. В моем детстве приезжали полазать по кремлю и поиграть там пацаны из Сормова и с Автозавода. Бывало, что мы с ними вместе чудили, а иногда просто дрались.

А мой товарищ Генка Балалаев раз нашел там штык немецкий; откуда там мог взяться штык — непонятно, может, кто-то использовал его по назначению, а потом и выкинул от греха подальше. Район небольших вонючих и грязных переулков Миллиошки, что заполняли городское пространство прямо под кремлем, считался нехорошим: там и днем-то страшно было ходить — не то что ночью.

Вот Генка и оказался свидетелем моего знакомства с Толиком Земляным, да и не свидетелем скорее, а напарником. Толик тогда рассказал нам секрет библиотеки Ивана Грозного, которую сам Толик, оказывается, и охранял. И если в его рассказ мы поверили лишь частично, то запомнили точно. А с Генкой я дружил по той лишь причине, что он, как и я, любил читать исторические книжки про князей разных, про татар, былины про богатырей наших. Все эти скорее выдумки чьи-то, чем правда, нами воспринимались тогда реальностью давно минувших загадочных веков, то есть

историей. Мы уж и не такие маленькие были и кое-что знали, но по-детски как-то, несколько наивно. Потому и к тем байкам, которые услышали от Толика Земляного, отнеслись серьезно.

Я до сих пор считаю, что все эти легенды про щит князя Олега, который с ворот Царьграда был привезен на хранение в Свято-Духовской монастырь, что под Ивановской башней стоял, и про меч князя Бориса, которым владел Всеволод Большое Гнездо и который хранился в Борисо-Глебском монастыре, что стоял пониже, придуманы самим Толиком Земляным. И сказка о библиотеке Ивана Грозного, которая была оставлена при походе им на Казань в Зачатьевском монастыре, а потом замурована в штольнях под кремлем, если и не придумана Толиком, то уж активно распространялась-то именно теми, что с ним встречался и слушал его рассказы.

Толик Земляной рассказывал, как тамплиеры готовили Суздаль в качестве запасного плацдарма, предчувствуя разгром их ордена в Европе. Это они, находясь под патронажем Богородицы, принесли в Древнюю Русь праздник, который до сих пор отмечаем только мы, — Покров Пресвятой Богородицы. И чаша Грааля, которая, по некоторым сведениям, тамплиерами, а точнее, князем Андреем Боголюбским была когда-то схоронена в Суздале, потом позже, по мнению Толика, хранилась в одном из монастырей нашего города. Разгадка ее тайны прячется в этих пещерах и штольнях, которые пронизывают всю гору, на которой стоит наш город. Ведь после Владимиро-Суздальской Руси в четырнадцатом веке образовалось Великое Суздальско-Нижегородское княжество, и, как шептал нам Толик, пусть ненадолго, столицей всей Руси стал наш город — Нижний Новгород. Чаша Грааля была главной реликвией и святыней тамплиеров, но в нашем детском понятии это был череп Христа, из которого славные воины пили вино перед важной битвой.

А то, что тогда наш Нижний был град стольный, и так понятно — ведь был же вынужден князь Московский Дмитрий, которого потом Донским прозвали, взять в жены дочь великого князя нижегородского Дмитрия Константиновича Евдокию, чтобы узаконить первопрестольность Москвы, а саму ее, что тогда деревня деревней была, главным городом назвать. Негласное величие передавалось по женской линии: Ярослав Мудрый в жены взял дочь короля Швеции, а сын их Всеволод вообще на «мономахине» женился, дочери императора великой Византии Константина Девятого Мономаха.

Вспомним, кому поручил Дмитрий Донской писать историю новую Руси? То-то! Монахам нашего Печерского монастыря, а конкретно Лаврентию, чтобы права на всю Русь к Москве перешли, к сынам нижегородки Евдокии.

По-моему, и самая страшная легенда, про чумные захоронения, которые были сделаны в шестнадцатом веке в районе Зачатьевской башни, разрушенной уже много веков назад, была придумана и распространялась Толиком Земляным для того, чтобы неповадно было кому ни попадя лазать по той части кремля, где он проживал. Толик нам долго втолковывал, какая это смертельная болезнь: в городах, куда она заходила, вымирало до половины населения, деревни и села вымирали полностью, а в Смоленске, одном из самых больших и богатых городов того времени, в живых осталось десять человек, и те все дети. Уж что у них за иммунитет был — не знаю. Косит чума все живое: и кошек, и собак, а в земле чумная палочка может сотни лет жить.

И еще про монастыри — монастырей в средние века множество было. Это сейчас нам кажется, что монастырь — это Соловки, Валаам, Киево-Печерская лавра или наш Печерский Вознесенский — этаким город за крепостными стенами неприступными. В древности большинство монастырей что представляли из себя: изба-пятистенок, да три сарая, да баня, да двор для скотины, да часовенка, и живут вместе общим хозяйством пять девок-монашек по своему уставу. Вот таких монастырей несколько и стояло вдоль кремлевской стены нижегородской.

2

Как-то раз мы с Генкой подрались, точнее, мы с ним всегда дрались, а потом мирились и снова вместе играли и шлодили. Играли мы в кремле в «стрелы»: это когда одна команда скрывает клад, указывая его местоположение начертанными или нарисованными в разных, не всегда заметных местах стрелками, а другая команда должна отыскать его по этим стрелам. Подрались мы с Генкой из-за того, что он стер какую-то стрелу, а я это счел за предательство.

Всегда все наши драки начинались с пустяка какого-нибудь: подзатыльника или поджопа, пинка такого, вообще безобидного. А заканчивались они, как правило, первой кровью, или ссадинами серьезными, или синяками.

Катились мы с Генкой по всему откосу кремля вниз, к кучам битого кирпича в проломе разрушенной крепостной стены, куда никогда не ходили — мы знали, что там были чумные захоронения и еще — там жил Толик Земляной. Мы не знали, хороший он человек или плохой, но то, что он дурак, нам говорили, и то, что он живет под землей, мы тоже знали. И еще мы знали, что кормить его каждый день ходит мама, которая живет здесь же рядом, в Кожевенном переулке, в подвале каком-то.

Мы с Генкой очень удачно сцепились тогда, и катились мы по склону очень хорошо, прямо куврякаясь, и врзались в обломок кирпичной стены, хоть и без крови и переломов, но все же я башкой треснулся, а он спиной, и тоже крепко. Пока мы потирали синяки и смотрели с удивлением друг на друга, обнаружилось, что рядом с нами сидит третий — Толик Земляной. Мы почему-то сразу поняли, что это Толик: и маленький, и грязный какой-то, и вырос он ниоткуда, прямо из земли.

— Ну что — живы? Ничего не поломали? — обратился он к нам с довольно добродушной улыбкой.

— Живы, — ответили мы хором. По-моему, мы оба с Генкой не представляли, как себя надо вести с дураком.

— Яблоко хотите? — спросил Земляной.

— Давай, — пожимая плечами и глядя на нового нашего знакомого исподлобья, сказал Генка.

— А вон яблонька, сходите, нарвите и мне принесите, а то я не достаю, а ноги у меня слабые. Это серый анис, он уже поспел, съедобный уже.

Мы посмотрели, куда кивнул Толик, и невдалеке, среди зарослей уже красной бузины, увидели маленькую яблоньку, усыпанную небольшими пепельно-розовыми яблочками, которую раньше никогда не замечали, и это было странно. Мы быстренько слетали до нее и, набрав в карманы и за пазуху десятка два, поднесли Толику и высыпали на траву. Был август, и никакой анис еще не мог созреть — так, зеленцы и зеленцы.

Я попытался разглядеть, на чем сидит наш новый знакомый, но ног его я не разглядел — было впечатление, что он просто выполз наполовину из какой-то земляной щели и, чуть облокотившись или опершись на руку, отдыхает, присматриваясь. В общем, я не понял, как он так пристроился, а спрашивать было неудобно. А вот Генка что-то раздухарился:

— Это тебя Толик Земляной зовут? — спросил он.

— Да, я Толик, — ответил тот, — а вот то, что я Земляной, это мне не очень нравится. У меня ведь фамилия есть. А Земляной — это твари какие-то про меня придумали.

— А чего ты здесь живешь? — продолжил помогать до него Генка. Нет бы взяли по паре яблок и полезли наверх, где наши все были, а он начал свои расспросы.

— Да вот живу и живу, никому не мешаю.

— А чего не дома? У тебя же и дом свой, квартира в смысле, и мама, говорят, есть, а ты здесь?

— Так, а чего я ползать туда-назад буду. Живу тут и живу, а мама мне покушать приносит.

— А ты давно тут живешь-то? — не унимался Генка.

Я уже и в бок его начал пихать, и шепотом говорю:

— Пойдем к нашим, ждут ведь.

А он мне так же шепотом:

— Да подожди ты! — и снова к Толику: — Так давно ты тут?

— Давно, с войны, я ведь уже старый. Мне скоро пятьдесят.

— Ой-ей, — присвистнул Генка, — а выглядишь как пацан. А про войну ты говоришь — ты воевал, в смысле? Или не воевал?

— Нет, я на войне не был. Меня мамка спрятала сюда, в пещеру, чтобы меня не забрали, а я и обезножел тут от земли. Инвалид я! А так до войны я наукой занимался исторической. Я Ленинградский университет закончил в тридцать пятом.

— Так ты просто дезертир?

— Нет, не дезертир — я же инвалид. Меня на костылях никуда не возьмут.

— Это ты стал инвалидом из-за того, что под землей ползаешь, из-за того, что мамка тебя здесь спрятала. А так-то ты нормальным был? Из-за чего же мамка-то тебя прятала?

— Так я уже и до войны инвалидом был. Но она боялась, что меня не на войну заберут, а куда-нибудь еще, но заберут — потому что людей тогда вообще ни на что не хватало. Сперва думалось, что на недельку я сюда, потом про месяц говорила, а обернулось, что почти уже двадцать лет.

Тут я уже немного пригляделся к Толику: лицо у него было морщинистое с множеством черных точек и земляного цвета, точнее, не земляного, а серого какого-то или пепельного. Так что про то, что он выглядит как пацан, Генка тут завернул — просто издали он так смотрелся. На голове у Толика был шлем танкистский с ушами, одет он был в свитер домашней крупной вязки и в черную кожанку, в каких комиссары, наверное, ходили. А что на ногах было — не скажу: не видел я ног, он телом просто как-то из земли наполовину торчал. И яблоки грыз одно за другим, просто молотил он их. А они кислые да жесткие были.

Генка тут вскочил, добежал до яблоньки анисовой и нарвал еще с десятков и притащил. А Толика уже нет!

— А где Толик? — спрашивает Генка у меня.

— Не знаю, — отвечаю я, — только что был — и вот пропал.

Все-таки здорово я тогда головой треснулся: и болеть она у меня стала, и покачивало меня, когда я на ноги встал. Потом оказалось, что у меня сотрясение было — знаете, что такое сотрясение мозга? Это когда перед тобой все предметы качаются не вправо-влево, как у пьяных или очень уставших, а вверх-вниз. Голову опускаешь — и все предметы, что перед тобой, под ноги валяются, голову поднимаешь — и все в небо улетает. В общем, у меня в тот раз было сотрясение мозга.

3

Мы еще пару раз с Генкой ходили в гости к Толику поболтать. Толик рассказчиком был интересным. Но любопытство наше им не поощрялось — он как-то мастерски умел либо растворяться, заполняя в землю, ссылаясь на свои подземные дела, либо отправлять нас куда-нибудь, если мы что-то неудобное у него спрашивали. Все, что мне известно об истории нашего города и средневековой истории нашей страны, я узнал от Толика в ту осень, а то, что узнавал позднее, было мне уже неинтересно. Работа и жизнь направили мои интересы в другую сторону.

Последний раз мы встретились с Толиком Земляным где-то уже в сентябре, было уже прохладно. Мы к тому времени уже разузнали у ребят знакомых и у взрослых кое-что о нем, и у нас появился интерес.

Генка зачем-то купил ему в подарок три пачки сигарет, хотя я не заметил, чтобы Толик курил. Но Генка сказал, что он по лицу его земляному заметил, что Толик курящий. Хотя у нас в городе и была табачная фабрика и выпускала она папиросы «Прибой», Генка купил моршанской «Примы». «Приму» выпускали в те годы везде, но моршанская была самой хорошей. А самой едучей — елецкая.

Впечатление было, что Толик нас ждал.

— Ну что — прошла твоя голова? — спросил он участливо. Он каждый раз спрашивал про мою голову.

— Голова? Голова прошла, спасибо вам за участие, — ответил я.

— А мы тебе в подарок покурить принесли, — заявил тут же Генка, как-то панибратски, протягивая Толику сигареты.

Меня почему-то резануло в тот раз Генкино обращение на «ты» к нашему подземному хозяину. Мы столько разузнали о нем всякого интересного и любопытного за этот месяц, что я невольно проникся к нему уважением. А через много лет и профессор Агафонов, который в те годы вплотную занимался историей и восстановлением нашего кремля и с которым мне случайно удалось познакомиться, отзывался о Толике Земляном если не с уважением, то и без какого-либо пренебрежения. «Легенды и мифы большому городу нужны. А раз Толик не ученый, то ему все можно», — говорил он.

— Вот за сигареты — спасибо! Мамка что-то редко мне их приносит. И вообще давно что-то не приходила.

— А хочешь, мы тебе анису нарвем? — спросил Генка.

— Нет, анис кончился, — ответил Толик.

Мы посмотрели в сторону кустов, но не разглядели там низенькой знакомой яблоньки: спряталась, что ли, она в кустах бузины, да крапива высокая торчала там, да кучи битого кирпича сквозь нее просматривались; как-то мрачновато все вокруг выглядело и незнакомо.

— Толик, а как же вы зимой, когда холодно? — спросил я у него в тот раз.

— А там, под землей, всегда плюсовая температура и сухо, — ответил он с улыбочкой, но как-то с натягом.

Потом мы уже узнали, что мама у него умерла. И ухаживать за Толиком стало некому.

В ту последнюю встречу Толик Земляной целый час рассказывал нам про библиотеку Ивана Грозного. Он курил и рассказывал. Он за час выкурил полпачки сигарет, наверное. А библиотеку он знал так хорошо, словно работал в ней каждый день.

Я очень хорошо запомнил нашу последнюю встречу и последний рассказ Толика. Он плохо выглядел, как-то усох, маленьким совсем стал и цвета был совсем уже земляного. Курил он не переставая, как паровоз.

Он рассказывал, как царевну византийскую Зою Палеолог, спасшие ее от турков-османов покровители из Рима пытались трижды выдать замуж. Но она была бесприданницей и к тому же царевной не порфиноносной, а потому королевские дома на нее не позарились. И вот кто-то очень умный в окружении великого князя Московского Ивана Третьего подсказал ему, что вместе с Зоей этой он может перетянуть и все атрибуты, и славу Византийской империи на Русь. Иван Третий Васильевич тогда, недолго думая, и взял царевну Зою замуж, а вместе с ней и двуглавого орла, и возможность называть Москву Третьим Римом.

Забирая царевну с собой, послы наши сказали ей, чтобы про шубки, тряпочки и побрякушки золотые да жемчужные она не думала и не заботилась — этого добра и в Москве завались, а вот книжечки пусть захватит — Иван Третий, как и многие

наши правители, был человеком и грамотным, и любопытным. За примерами ходить далеко не надо: и внук его Иван Грозный, и Екатерина, и внучек ее Николай, и Сталин любили общаться и советоваться и с книгами, и с писателями. Так десять возов древних рукописей и книг конской тягой отправились из Рима в Москву.

Иван Грозный очень образованный был государь: полиглот, читал много. Приближенные и подчиненные знали эту его страсть и привозили ему и персидские, и арабские, и европейские манускрипты и рукописи. У него в библиотеке на постоянной основе работали и переплетчики, и реставраторы, и переписчики.

В поход на Казань он взял всю свою библиотеку, рассчитывая на долгое пребывание в походе и, главное, в Казани. Да вот только провалилась под лед волжский и утонула вся его артиллерия с обозом вместе чуть пониже нашего города. И задержался царь Иван Грозный в Нижнем Новгороде. Несмотря на расстроенные чувства, город ему понравился, и оставил он всю свою библиотеку в Зачатьевском монастыре под особый надзор, рассчитывая вернуться в скором времени. Но не получилось: засосали царя разные войны.

Говорят, что пришлось монахам в штольнях под горой выстроить специальные помещения под библиотеку Ивана Грозного с прекрасным климатом и температурой постоянной и вентиляцией, так, чтобы книги в кожаных переплетах и на пергаментх написанные могли храниться там столетиями.

Толик рассказывал нам в тот день, как бы даже забыв, что мы всего лишь пацаны, хотя уже и не маленькие. Потом, вспоминая нашу последнюю встречу, показалось мне, что ему очень хотелось, чтобы мы все это запомнили, все, что он нам тогда говорил. А как мы запомним, если нам и в школе-то не все удавалось. В общем, прощался он и не с нами, а с белым светом.

И вот что я запомнил: в библиотеке той были сто сорок два тома «Римской истории» Тита Ливия, двадцать томов «Истории» Публия Корнелия Тацита, Вергилия и Цицерона неизвестные произведения. И вообще очень много книг было таких, которых больше нет нигде на свете. И еще — много всяческих рукописей.

Какая-то странная, невеселая была та последняя встреча наша. Генка был очень задумчивым, и видел я, что мысли его где-то далеко летали, что-то он задумал, но мне пока не сказал. Толик Земляной очень плохо, болезненно выглядел, хотя и всегда у него был не очень здоровый вид, но в тот раз кашлял он сильно. Хотя, может, кашлял он от того, что курил тогда много. Я же не замечал раньше, что он курит. А тут — сигарету держит тремя пальцами, а ладонь у него непропорционально широкая и пальцы толстые-толстые, а ногти просто огромные, желтые и загнутые какие-то. И еще — показалось мне, что сам он меньше, что ли, стал — размером, я имею в виду.

Пропал Толик внезапно. Вот только что сидел перед нами, говорил, говорил, и раз — поворочался чуть-чуть, заполз куда-то, и нет его, исчез, растворился в земле вместе с танкистским шлемом и сигаретой во рту. Мы с Генкой переглянулись и молча, словно все нам было понятно, поднялись и отправились по домам. Больше мы к Толику не ходили и даже друг с другом не заводили про него речь. Будто не было никогда ни Толика, ни наших походов к нему.

Теперь, через много лет, задумчивость Генкина во время нашего последнего визита к Толику мне стала понятна: вырос Генка Балалаев в большого архивного ученого, и копается он сейчас в разных старых рукописях и книгах.

А я — я в ту осень влюбился, и появилась у меня любимая девушка, и гулял я по кремлю теперь уже не с пацанами, а с ней. Один раз мы с ней даже прогуливались там, у развалов Зачатьевской башни, и моя девушка напомнила мне о чумных захоронениях и о том, что здесь опасно гулять, но я почему-то не захотел ей рассказывать про Толика Земляного и про его подземные исследования.

АРИФМЕТИКА

Иван Спиридонович Стулов был человеком непростым — ох, не прост человек любой. Торговал Стулов на радиорынке, торговал он книгами, и звали его там все просто Сутулый: по фамилии скорее всего, потому что сам-то он нормальный был, не гнулся. Причин, которые выдергивали его каждый день из дома и вели прямиком на рынок, было несколько. Во-первых, конечно, «обчество», как они сами себя называют, персоны, торгующие на этом самом радиорынке: и поделиться невзгодами тут можно, когда все друг друга знают, и обсосать новости городские, и посоветоваться в юридическом или экономическом плане с людьми опытными. Во-вторых, конечно, прибавка к пенсии, пусть и небольшая, но ведь и прожить на простую пенсию теперь не просто, если дети не помогают, а детей и внуков у Стулова уже давно не осталось поблизости, и никого уже не осталось. Было и в-третьих, но не любил Стулов про это «в-третьих» думать, очень боялся он всерьез озаботиться.

А боялся Стулов Иван Спиридонович озаботиться судьбой Женьки-солдата, который вот уже с год как прилип к нему и не отходит от него буквально ни на шаг, и ведь это почти каждый день. Женька-солдат, а фамилия его Бубнов, парень и хороший, и добрый, и услужливый — хотя это он для Стулова парень, а вообще-то, он уже армию отслужил, хотя и не до конца: комиссовали его после того, как на учениях гранатомет почти над ухом у него взорвался. С тех пор глаз у него один косит и голова иногда дергается, а иной раз и с рукой правой непорядок: тянет ее куда-то в сторону. Вот этот Женька-солдат каждый день помогает ему и книжки на столике разложить, и после торговли до дому их дотащить, а если надо куда-то ненадолго от рабочего места отлучиться, то он и постоять за Ивана Спиридоновича, и постеречь книжки может. Живет Женька-солдат в детском саду, точнее, в кочегарке при нем, ибо работает он ночным сторожем в этом учреждении одновременно и дворником еще. Там, в детском саду, прямо и ночует: то в кочегарке на столе, то у директора в кабинете в кресле. Женька не пьет, не курит, и это хорошо, а вот то, что он жениться не собирается и к женскому полу относится просто с отвращением, это волнует Стулова. С другой стороны, чего волноваться — миллионы нормальных мужиков на свете не охваченными женским полом живут. Ну и кроме этого недостатка, было в Женьке еще что-то ущербное. Правда, одевается Женька поприличнее Стулова: Стулов-то сам всегда в шобонье каком-то затрапезном, старом да с чужого плеча, а иной раз и заштопанном. Женька-солдат и зимой и летом в берцах спецназовских, в тельняшке, в бушлате матросском новом, а на голове или шапочка вязаная, или пилотка со звездочкой — в общем, понятно, что «солдат».

Книжники на радиорынке целый ряд занимают, торгуют: у кого — детективы с фантастикой из мусорных ящиков да из вторсырья, у другого — всяческие справочники по ремонту автомобилей и телевизоров, у третьего — брошюры по медицине. У Ивана Спиридоновича — детские книжки. Это ходовой товар — «Конька-горбунка» да стихи Маршака с рисунками Лебедева всегда покупать будут. Каждой мамаше кажется, что в ее детстве книжки были в сто раз лучше и интереснее, чем те, что в магазинах нынче продают, или те, которые какому-нибудь там Александру Блоку еще маленькому сто лет назад читали. Вот и ищет эта мамаша для своего деточки ту книжку с теми картинками, которая была у нее самой когда-то давным-давно. А у кого такую книжку найти, кроме как у Ивана Спиридоновича! То, что Иван Спиридонович сам в затрапезном и неухоженном виде всегда на рынке стоит, в зачет не идет, и покупа-

тель к нему подходить не побрезгует; зато книжечки у него всегда на подбор: и сохранность уникальная, и издание такое, что лучше нет, и историю про эту книгу расскажет.

Но был у Ивана Спиридоновича и еще один тайный бизнес.

Это сейчас ему восемьдесят, а пятьдесят лет назад был он преподавателем в педагогическом институте, науки общественные студентам преподавал. Бес попутал — подписал он когда-то коллективное письмо вместе с глупыми студентами «Руки прочь от Чехословакии!», где требовал от правительства Советского Союза вывести танки из оккупированной Праги. Студентов-то из института повыгоняли, а Стулова вызвали куда следует и объяснили там в кабинете очень даже громко и вслух (а официально вроде как не гласно), что учить детей он больше никогда и нигде не будет, велели сидеть ниже травы и тише воды, потому что предупреждений ему тоже больше не будет, а будет наказание. Слава богу, разрешили ему киоскером работать в книжном магазине «Знание», и стал он книгами торговать в вестибюле родного пединститута.

А вот уважение к себе в определенных кругах этой историей он заработал: официальный статус его упал до предела, а социальный — ой как вырос. Около его киоска можно было теперь постоянно видеть доцентов, профессоров, которые не только книжки покупали, но и разные умные беседы вели. Вот отсюда-то и зародился отдельный тайный бизнес Ивана Спиридоновича — вхож он стал в «сталинские», большие по тем советским временам квартиры старой городской профессуры с их богатыми профессорскими библиотеками.

Без зазрения совести мог теперь Иван Спиридонович попросить у какого-нибудь доцента или декана продать ему сборник «Вехи» со статьями Бердяева и Булгакова или рукописную старообрядческую книгу семнадцатого века. Нимб страдальца и диссидента следовал за Стуловым по пятам много лет, и, желая приобщиться к свободомыслию, многие симпатизировали ему. Хотя почему и не симпатизировать — человек он был и порядочный, и интересный.

Но вот то, что у Ивана Спиридоновича были не только высокообразованные знакомые с библиотеками, собиравшимися не одно поколение, но и клиенты, продолжавшие собирать библиотеки с уникальными изданиями, в городе мало кто ведал. И был одним из таких клиентов киоскера Стулова Болеслав Сергеевич Чихир из Донецка, человек тоже замечательной судьбы. Замечательна она была тем, что умудрился он когда-то в тридцать пять лет стать заместителем областного управления торговли. В конце семидесятых, когда проводилась кампания по борьбе с экономическими преступлениями, он честно получил свои семь лет лагерей, но как-то хитро сумел отсидеть только два, сохранив при этом и друзей, и связи, и накопления.

Дочка Чихира училась в том же пединституте, где в качестве киоскера работал Стулов. Почему она так далеко забралась на учебу от родного Донецка — непонятно, только заезжал батька родной ее навещать очень даже регулярно. И познакомился бывший ответственный работник советской торговли с киоскером Стуловым и сдружился, потому, как интерес у них оказался обоюдным: у киоскера оказалось изрядное количество редких изданий, а Чихир не мелочился и, когда платил, не стеснялся — собирал он петровские издания, то есть первые русские книги гражданской печати, начиная с замечательной «Землемерии». Конечно, он с удовольствием покупал и книги на церковнославянском языке, но только более ранние и желательно иллюстрированные. Так сначала Стулов продал Болеславу Сергеевичу рукописный Апокалипсис семнадцатого века с сотней замечательных акварельных рисунков на отдельных листах в тексте, а потом и первое издание «Грамматики» Мелетия Смотрицкого, обе книжки удалось Ивану Спиридоновичу выкупить у вдовы профессора Волжского. Когда нужда подпирала, она сама приходила к киоскеру в институт и просила зайти в гости на чай. Стулов шел и покупал.

Но всегда помнил Стулов, хотя и не заикался из осторожности, то, что где-то в шкафу у покойного профессора Волжского хранится уникальный экземпляр «Арифметики» Леонтия Магницкого 1703 года издания, да еще с пометками и примечаниями автора. Кто такой Магницкий, рассказывать — время немалое и особое надо: любимчик Петра Первого, предтеча Ломоносова, сам обучился грамоте и математике, а сколько слов нужных он придумал и ввел в русский язык: дроби, делители, множители и так далее, целый словарь! И если самую первую «Арифметику» еще можно посмотреть и полистать в какой-нибудь солидной библиотеке, то разобраться, что там замечательный русский математик, обласканный царем-реформатором, на полях книжки своей нацарапал, было бы интересно. Интересно самому эти каракули разобрать.

Рассказал Стулов про вдову и про «Арифметику» Магницкого клиенту своему из Донецка совершенно не подумав: так болтали о чем-то постороннем, а он и ляпнул про уника, что хранится в доме у вдовы профессора Волжского. А через три часа тот купец донецкий с аккуратно упакованной книгой уже стоял в вестибюле института рядом с киоскером и как ни в чем не бывало совсем по-детски и даже по-идиотски улыбался.

— Купил! — сказал Чихир.

— Чего купил? — спросил Стулов.

— Магницкого купил.

— Как купил?

— Да так — пошел и купил. Вы же мне подсказали. Спасибо.

— В смысле? Чего я подсказал? Какое спасибо?

— Ну, спасибо — это я так. Я вам, конечно, заплачу — не обижу. Вы же меня знаете. Все равно вы же эту книгу для меня хотели приобрести. Так что же время терять. А вы свой процент получите — не волнуйтесь!

— Вы, Болеслав Сергеевич, думаете, что мне, кроме как процента и денег, ничего не интересно и не надо в мире? Так вот, вы ошибаетесь. Это как самому выловить рыбку к столу или в магазине мороженую купить. Существует процесс, а есть и результат. Вот вам результат важен, а мне процесс. А вы все перепутали и испортили.

— Да ничего я не испортил, сейчас денежки получите и успокоитесь.

— Да, денежки получу, а вот успокоюсь ли — не уверен.

— Да что же за канитель такая, Иван Спиридонович? Я же ничего ни у кого не украл!

— Такая простота хуже воровства! Или вы вообще уже ничего не понимаете?

Расстались сердито: Стулов деньги взял, а руку Болеславу Сергеевичу не пожал. Тридцать лет прошло с той поры, а вот все тянет где-то там изнутри Ивана Спиридоновича какая-то неудовлетворенность, тридцать лет печалит его тот случай. Приезжал к нему тот Чихир где-то через пару месяцев после случая с «Арифметикой», да только не стал Стулов с ним общаться — так и сошла дружба ихняя на нет.

Женька-солдат любил книги. Он любил их по-особому: не читать он их любил, не дома, которого у него не было, по полкам и шкафам расставлять, как многие, а любил он узнавать все любопытное и интересное, что рядом с книгами случалось. И интересовало его все про писателей и про издателей, про переплеты и про бумагу, и хотя и не знал он такого слова, как артефакт, но относился к книге как к произведению искусства. Беря в руки книжку, он сразу обращал внимание на шрифты, поля, колонтитулы, форзацы — по этим элементам он определял качество книги, а текст — он и в другом издании будет тем же текстом.

Откуда такое особенное отношение к книгам взялось у Женьки-солдата, не понимал Стулов, но и спрашивать у него про детство и про родителей не отваживался. Хотя именно на этой книжной теме и сошлись они и сдружились. Знал про книги Стулов Иван Спиридонович много чего интересного, и прикипал Женька-солдат к старику,

развесив уши и открыв род. Второй год они вот так уже дружат: Стулов за столом с разложенными книжками сидит, а Бунтов на пустом ящике рядом.

Иван Спиридонович педагогический опыт имел, и излагал он для Женьки с любовью свои лекции, как их сам называл. У таких спонтанных лекций могли быть совершенно странные темы: и как резались граверные доски на меди или на кипарисе, или как фальшивые футуристические альманахи вроде «Утинового гнездышка» или «Пощечины общественному вкусу» в Америке печатали, или про то, как автографы великих писателей и других замечательных деятелей подделываются, или чем сафьяновые переплеты отличаются от марокеновых. Да что там — много чего любопытного знал Стулов.

Однажды рассказывал Иван Спиридонович Женьке про реформу русского языка, которую провел Петр Первый, и как новый гражданский шрифт ввел, и как первые русские гражданские литеры отливали для него в Голландии, и как первые книжки новыми шрифтами печатались. А когда он стал Женьке уже отдельно про «Арифметику» Леонтия Магницкого говорить, про первое издание с авторскими правками, и про то, как он не смог ее купить, что бы самому полистать да почитать, что там, на полях наш первый математик написал, а купил ее некий торговец из Донецка, Женька вдруг напрягся.

— Иван Спиридонович, не говорил я тебе — а ведь я сам из Донецка!

— Как из Донецка? А здесь у нас чего же ты делаешь?

— Девушка у меня здесь жила, то есть живет, но она уже как бы и не моя. До армии мы с ней дружили, потом переписывались, а два года назад, когда комиссовали, к ней я приехал, а она уже замуж вышла к тому времени, а сейчас уже и колясочку возит. Что я ей жизнь-то буду портить, под ногами мешаться да напоминать о себе — не хочу. Как раз хотел тебе сказать, что на Донбасс я уезжаю, бабушка у меня там живет, вон ведь какая каша там заварилась, надо помогать. Может, и повоюю еще. Я ведь в армии-то не писарем при штабе был — кое-что умею как солдат. Поговорил тут с журналистом одним, который уже побывал в Донецке в этом году и снова туда собирается. Надо ехать. Так что не поминай меня лихом и спасибо за интересные беседы.

Пожалел Иван Спиридонович первый раз в жизни о том, что нет у него ни мобильного телефона, ни компьютера, когда к нему поздно вечером, спустя пару месяцев после отъезда Женьки, явился незнакомец — молодой парень, вежливый, только что не побритый, — и в комнату отказался проходить.

— Я на минутку. Меня Игорь Грач зовут, я — журналист. Я от Евгения Бунтова — знаете такого?

— Конечно, знаю Женьку-солдата.

— Он сказал, что у вас нет ни мобильного телефона, ни компьютера.

— Да вот — нету!

— Как же вы живете-то?

— Да вот так и живу — не хуже других. Не тяни ты — чего там с Женькой?

— С Женькой все в порядке, раненый он, и не больно сильно, в госпитале лежит, выкарабкается. Через недельку, пожалуй, ходить будет. Просил он вам пару слов передать, очень просил.

— Какие такие два слова?

— Прямо как в детективе про шпионов. Он велел сказать вам так: «Я ее нашел, как дважды два! Она у меня!»

— Господи! Вот ведь сумасшедший Женька наш. Войдешь ли, Игорь, хоть чайку попить?

— Нет-нет, я побежал. Мне пора!